

Домов в деревне было немного, около 20, хотя до войны их было больше 100. Часть из них сожгли немцы во время оккупации, часть были разрушены во время боев, некоторые были увезены в другие места. Вокруг деревни луга и леса, смешанные и березовые, на краю деревни – маленькая, довольно чистая речушка и два небольших пруда. Место благодатное. За речкой большущий лес.

*Н.А. Визжилин со своим сыном Сергеем
на вечере в Колонном зале Дома Союзов.
1950-е годы*

В нашем доме была одна большая комната с огромной русской печкой, большие сени, пристройка метров 16–18. Был большой участок – 29 соток! Около входа в дом росла сирень, против входа – большая яблоня. За амбаром была луговина, в центре и вокруг которой росло несколько яблонь. Все это мне очень нравилось. Четыре года подряд: с 1990 по 1994 гг., Сергей приезжал в Крутое, часто и жил там во время отпуска, с удовольствием занимался обустройством дома и участка.

Сергей сделал большую застекленную терраску и крыльцо, подновил крышу. В Москве сварил довольно большую теплицу, привез и установил ее за домом. Поставил забор вокруг всего участка. Мы дружно с удовольствием занимались всем этим, а также ходили в лес за грибами. С нами жили мои внуки, Даша и Гриша. По вечерам играли с Сергеем в карты, вспоминали случаи из нашей жизни, обсуждали перемены в стране. Я радовалась, уверенная в том, что родители, безусловно, радовались бы за нас.

Потом Сергей заболел, и я целую неделю провела в больнице рядом с ним. Брат вышел из больницы практически здоровым. Снова стал приезжать ко мне в деревню, где я после отъезда Леши с семьей в Америку, жила одна.

Наступил 1998 год, подорожал бензин, продукты, и Сергей стал приезжать очень редко и через год предложил продать дом в деревне и купить что-нибудь поближе к Москве. После долгих неудачных поисков в течение марта – апреля мы купили дом с участком в 12 соток под Малоярославцем в Ерденево.

Дом – хороший деревянный сруб с печкой с плитой, с терраской и небольшим крыльцом, была также летняя кухня, еще один маленький домик и небольшой сарай. Участок украшал большой дуб, растущий в центре участка, вокруг него росло 5 яблонь и несколько слив. Были там и кусты черной, красной и гранатовой смородины, красная и черноплодная рябины, ирга и японская айва. Кроме того, на участке был водопровод с двумя кранами и два небольших прудика. На месте одного из них я сделала альпийскую горку, посадив там разные низкие красивые растения.

Три года Сергей довольно часто ездил ко мне, перестроил крыльцо, сделав его побольше, с помощью знакомых ребят поменял электропроводку. Снова были всякие беседы, чаепития, игра в картишки, поездки по окрестностям для выяснения мест для рыбной ловли. Оказалось, что сравнительно недалеко от нашего участка есть большие пруды, где разводится рыба и разрешается за небольшую плату ее ловить. Казалось, что все хорошо, ничто не предвещало беды.

Однако, с мая 2002 года Сергей стал жаловаться на постоянные боли в горле, при этом он сильно хрипел. Поездки его в Ерденево прекратились.

Зимой 2003 года, вернувшись из Америки, куда я в очередной раз ездила к Алеше, я узнала, что Сергей в больнице, куда его увезли на скорой помощи, так как он стал задыхаться. Тут же поехала к нему. 30 мая лечащий врач Сергея сказал мне, что брату необходима операция, после которой Сергей не сможет говорить.

4 июня 2003 года ему сделали эту операцию. Накануне у Сергея был день рождения, и я приезжала его поздравить. Прощаясь со мной, он сказал, что, я в последний раз слышу его голос. Было очень горько, и страшно жалко его... День он пролежал в реанимации, а с 6 июня уже начал вставать.

После возвращения Сергея домой я постоянно ездила к нему, готовила еду, ходила в магазин, в поликлинику за рецептами и в аптеку, словом, помогала, чем могла. Продолжая жить в Ерденево, каждую неделю приезжала навещать Сергея. Однако скоро поняла, что долго так продолжаться не может – дорога до Москвы занимала 4 часа, я очень уставала, а Сергей по состоянию здоровья не мог ездить в Ерденево.

Было решено продать дом. Летом 2006 года я нашла покупателей, два раза съездила с ними в Ерденево, объяснила, как ухаживать за разными растениями, и, наконец, в конце июля дом был продан.

Сергей, будучи от природы сильным и здоровым мужчиной сумел оправиться после операции, однако ездить нам с ним уже было некуда...

Из писем Сережи.

«Здравствуй, Нинушка!

Во-первых, поздравляем тебя с рождением сына. И желаем всего хорошего – здоровья, счастья, успеха тебе и сыну. Это, конечно, хорошо, что у тебя сын. Ты не обижайся, что я желал тебе двух девчонок, всегда надо желать наоборот, а то не сбудется. В общем, я стал дядькой, а мать и отец – бабушка и дедушка. Чудно!

Целую. Сережа. 22.01.59».

«Здравствуй, Нина!

Слушай, постольку, поскольку твой муженек болен, сына твоего придется принимать мне. Как ты, не возражаешь? Доверишь мне сию драгоценную ношу, или нет?

Нинок, судя по твоей последней записке, настроение у тебя отличное. Племянник мой по твоим рассказам, вполне подходящий парень. В общем, ты не осрамилась. Ну, вот и все. Крепко целую. Сережа».

Коля – Николай Николаевич

Младший из моих братьев, Коленька, родился 14 октября 1945 года, когда мне исполнилось 13 лет.

Домой он попал только через две недели после рождения, в связи со сложностями и трудностями маминых родов.

Вопреки моим ожиданиям, из роддома привезли не крошечного, морщинистого, красного и лысого младенца, а красивого упитанного мальчика с карими глазами и темными волосами, весом более 5 килограммов!

Он сразу мне понравился, был довольно спокойный, кричал редко, в основном, когда хотел есть или когда у него болел животик. Долго выбирали ему имя, и в один прекрасный день папа с Сережей пошли в ЗАГС и, возвратившись, папа сказал, что братика зовут Коля – Николай Николаевич. Для родителей, особенно для папы, это был поздний ребёнок – маме 32 года, папе 42. Естественно, они его очень любили, оберегали и гордились им. Мы как-то само собой отошли на второй план. Время шло. И вот Коленька уже начал садиться, потом вставать в кроватке, ползать и, наконец, самостоятельно ходить, однако родителей беспокоило, что он долго не говорил, насколько помню лет до 3-х или даже до 4-х. Простые слова – «мама», «папа», «дай», «на» – произносил, но фраз не говорил. И вдруг сразу заговорил связно, предложениями. То-то была радость! Помню один курьезный случай, когда брату было лет пять. У родителей по поводу какого-то праздника собралась, как обычно, большая компания друзей. Сидели за столом, выпивали, ели вкусности, как всегда приготовленные мамой. Было весело, рассказывали забавные истории из жизни и разные анекдоты. Среди гостей был папин товарищ-сослуживец Охотин. Он смеялся чаще и громче всех. Вдруг в одну из маленьких пауз раздался голос ребенка – Коленьки: «Папа, гони ты этого Охотина, что он так громко смеётся!»

Долго все смеялись по этому поводу, а фразу эту, сказанную маленьким Колей, вспоминаем до сих пор.

Часто мы с мамой или реже я одна, ходили с Колей гулять к нам во двор, иногда я выходила с ним к школе № 56, которая стояла в нашем дворе, где потом учились мои братья, и реже – на крутой берег Москвы-реки за школой. Однажды пошла с ним посмотреть на праздничный салют.

Н.Н. Визжилин. 1996 год

За рекой громко стреляли пушки, в небе расцветали яркие огни. Мне было весело и интересно, а Коля вдруг испугался и заплакал. Пришлось срочно уходить с берега и успокаивать братика...

К пяти годам Коля стал достаточно крупным ребенком, при этом у него были длинные, до плеч, слегка волнистые каштановые волосы. Хорош он был необычайно. Редкая женщина, проходя мимо, не останавливалась и не говорила: «Ах, какая хорошенькая девочка!», на что обычно Колюня, нахмурившись, серьезно говорил: «Я не девочка, я мальчик!», вызывая умиленные улыбки и добрый смех. В это время папа, всерьез занявшись фотографией, сделал немало снимков. Как не хотелось маме срезать Колины кудри, но пришлось это сделать, чтобы посторонние не смущали ребёнка.

Дома я играла с братиком в разные игры, рисовала ему всякие картинки – людей, дома, машинки, зверушек и т. п., рассказывая о них какие-то истории. Играть с ним любила. Когда он подрос и научился читать, писала ему письма с картинками в санатории или больницы – в раннем детстве он

нередко болел. Коля с мамой и моей подругой Ирой Титовой приезжали ко мне в Звенигород, где проходила наша летняя практика после второго курса Биофака. Звенигород оставил в его памяти приятные воспоминания.

Колюне Визжилину – два года

В 1953 году Коля пошел в школу. Учился в младших классах отлично, повзрослев, много читал, позже увлекался книгами И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» и «Двенадцать стульев», шпарил наизусть целые страницы. Если мне не изменяет память, ребята его класса ставили какие-то сценки из этих книг.

Учение давалось Коле легко, но в старших классах началась какая-то буза – Коля стал иногда прогуливать уроки, перестал учить некоторые предметы, в частности, географию, по которой получал двойку. Родителей вызвали в школу. К счастью, эта буза длилась недолго.

Я в то время уже работала в школе «с особым режимом», и мама попросила меня пойти к классному руководителю и узнать, в чем дело. Разговор вышел дурацкий – учительница, доведенная ребятами, была возбуждена и говорила, что Коля способный ученик, но лентяй, что работать в их классе труд-

но и неприятно. Я с высоты своего опыта учителя и классного руководителя предлагала какие-то меры (вроде оставления после уроков и карцера!), чем привела учительницу, которая к тому же была значительно старше меня, буквально в шок... Разговор не получился.

В школе у Коли было много друзей. Хорошо помню толстенького малоподвижного Диму Носова, мама которого, как выяснилось позже, преподавала у нас на Биофаке историю КПСС, и, конечно, темноволосого красавца с голубыми глазами, Мишу Петрова, шутника и балагура, с приятным голосом, с которым Коля и я пели вместе разные песни и романсы.

Летом 1965 года я с Алёшей, Коля и Миша ездили летом в Крым. Мы были «дикарями», то есть ехали без путевок. На горе над Алуштой в каком-то небольшом доме сняли проходную комнатку, отгороженную от хозяев занавеской, и славно прожили там около месяца. Получали удовольствие от моря, солнца, купания, разных приятных разговоров, ходили гулять по горам, посетили дачу писателя Новикова-Прибоя (?) – большой красивый дом с прекрасным видом на море.

А еще помню сильнейший ливень, вымочивший нас до нитки и доставивший нам массу удовольствия. Крупные капли прыгали по асфальту, мгновенно образуя ручьи – потоки дождевой воды. Мы сняли обувь и шлёпали, как в детстве, по этим потокам.

В 1968 году Коля был на производственной практике на заводе в Ленинграде. Жил в общежитии, иногда ездил в гости к Арефьевым в Комарово.

Практика занимала не слишком много времени. Он писал, что в свободное время занимается английским языком, ходит на разные концерты, в частности, слушает органные концерты Иоганна Себастьяна Баха, ансамбль цыганской музыки, ходит на лекции по европейской музыке, которые сопровождалось музыкальными произведениями, просмотрел почти все новые фильмы. Сам читал лекции, в частности, о Леониде Красине.

Весьма серьезно писал о своих трудностях – во-первых, об отсутствии выработанной с детства привычки к ежедневному черновому труду, и, во-вторых, об отсутствии широкого и прочного образования.

Со временем Николаша преодолел эти сложности, и вот уже не одно десятилетие подряд трудится с утра до вечера: либо за компьютером, либо над рукописями, либо реставрирует мебель. Что касается его образованности, то тут он достиг многого и в инженерии, и в издательском деле, и в писательстве.

Когда были живы наши родители, в их доме довольно часто собирались Колины друзья, мы пели романсы и любимые песни, обязательно «Бородино», читали стихи, танцевали, выпивали, словом, радовались жизни.

Одноклассники Коли почти каждый год в течение десятков лет собирались в квартире родителей справлять очередную годовщину окончания школы, Приглашали на эти встречи и меня.

Необычайно весело, бурно праздновалась свадьба Коли с Олей. Вино лилось рекой, произносились тосты, дарили подарки, пели многократно «Ах, эта свадьба, свадьба пела и плясала»...

В годы моей учебы в университете встречи с Колей происходили не так уж часто, у меня началась новая «взрослая» жизнь, появились новые знакомства не только с ребятами моего курса, но и со старшекурсниками, среди которых были талантливые замечательные люди. Коля в это время учился в младших классах.

Все эти обстоятельства не влияли на наши с Колей отношения. Когда не было возможности общаться, мы писали друг другу письма.

Вот два письма Коли ко мне.

«29.12.65 г.

Милая сестра моя!

Я, было, собрался написать тебе длинное письмо с разными моими философскими мыслями на жизнь, но передумал. Это, я думаю, тяжеловато для новогоднего поздравления. Отложим это до следующего раза. Скажу тебе только, что ты для меня одна из самых близких и дорогих людей, а если подумать, то я не назову, пожалуй, человека, который был бы мне ближе, чем ты, хотя, ты знаешь, у меня много хороших друзей. Все это не красивые слова, не желание сделать тебе приятно. Все это – плод долгих дней и

разговоров, проведенных с тобой и, самое главное,— многих дел, сделанных с тобой.

Я думаю, что будет довольно глупо, если среди новогодних моих пожеланий будет пожелание, чтобы наши отношения остались прежними. Я думаю, что ты понимаешь, почему это глупо...

Просто я хочу пожелать тебе самого большого счастья. И не только в новом году, а на всю жизнь. Поцелуй Алешу. Твой младший брат".

Из письма Коли ко мне после моей защиты диссертации, 1968 г.

«Моя дорогая сестра.

По некоторым обстоятельствам я не имел возможности поздравить тебя немедленно после твоей защиты. Я полагаю, что это пустое несоблюдение формальности не дает тебе оснований предполагать какое-либо отсутствие внимания с моей стороны.

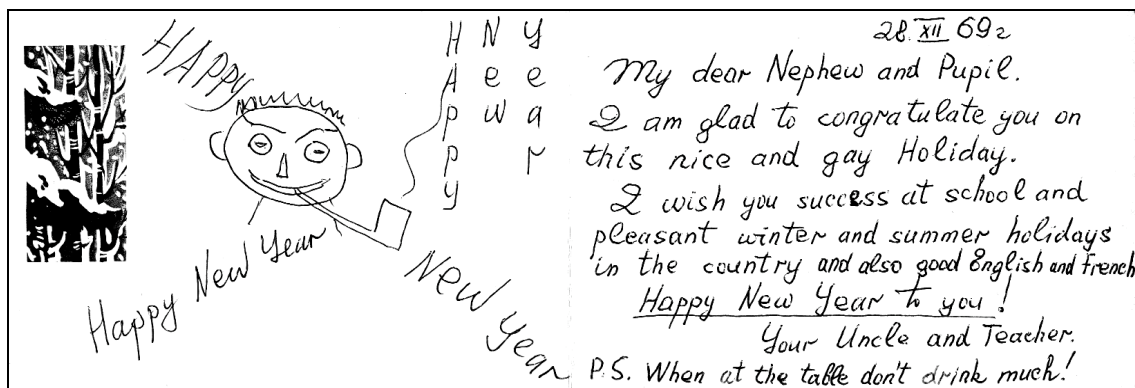
Тем более, что такое поздравление не может выразить те чувства настоящей гордости, искреннего уважения и огромной радости, которые я испытываю по отношению к тебе, к той работе, которую ты столь кропотливо и добросовестно выполнила.

Я желаю тебе, моя милая, еще больших успехов в твоём труде, настоящей радости и удовлетворения от твоей работы, и светлого счастья.

Я бы очень хотел, чтобы на полях науки ты всегда оставалась для меня таким же примером и надежным ориентиром, как и была раньше.

Твой младший брат Николай Визжилин».

*Новогоднее поздравление
брата Коли, присланное Алёше из Ленинграда*

Потом я вышла замуж, родила Алешу, начались разлады с Олегом, закончившиеся разводом. В это время Коля поступил в текстильный институт, наши встречи и разговоры были очень редки, знаю, что он очень переживал по поводу моего развода, т. к. ему нравился Олег и его родители, и он любил Алёшку, к которому иногда приезжал поиграть. Разница в возрасте между ними была такая же, как и между Колей и мной – 13 лет...

После окончания института Коля остался в нем, защитил кандидатскую диссертацию по текстильному машиностроению, получил звание доцента.

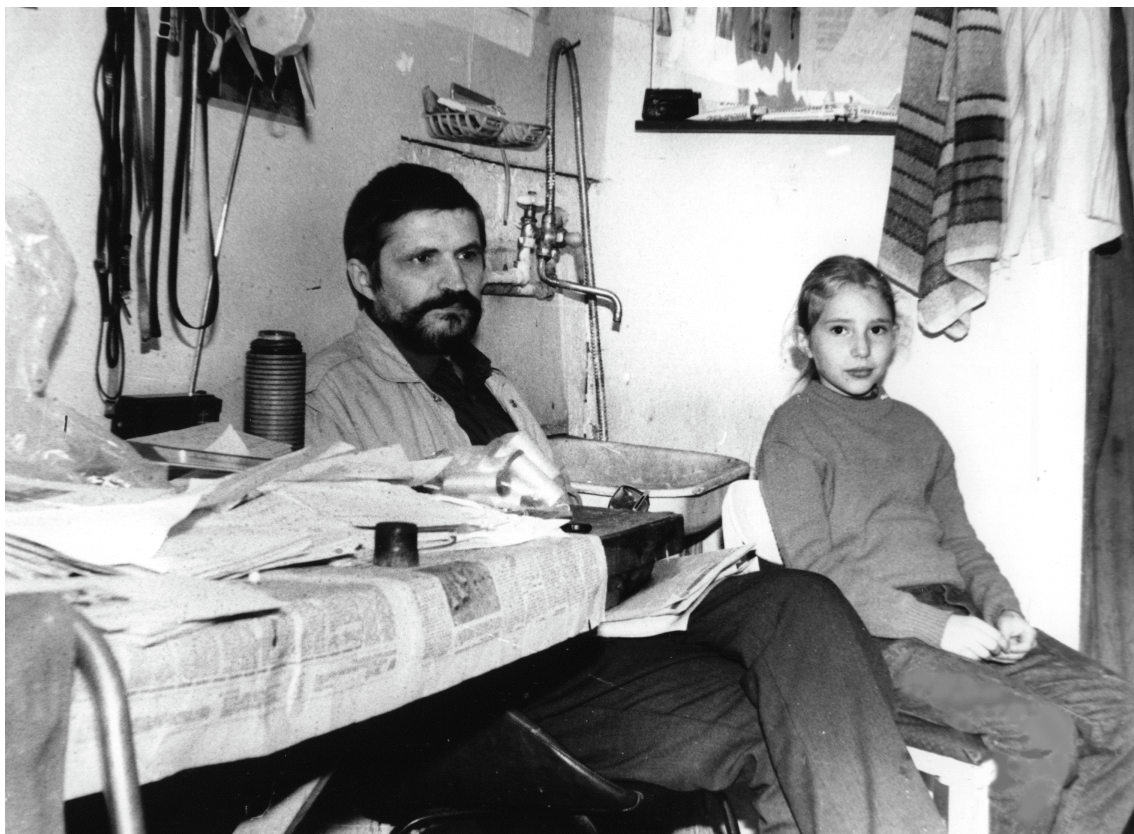
Доцент Николай Николаевич Визжилин нравился студентам, ведь он мог не только просветить их по специальности, но отлично знал историю Москвы, творчество русских художников, писателей, знал архитектуру, умел играть на гитаре... При этом он не только занимательно рассказывал об этом, но и проводил прекрасные экскурсии по Москве. На одной из них была и я – это экскурсия по Якиманке, где прошли мои детские годы. Пересказывать её содержание не буду, многое забылось, но осталось светлое чувство от эмоционального рассказа, в котором для меня было много нового, и гордость за брата.

В 1979 году со своими студентами Коля ездил в ГДР на производственную практику. Рассказывал о своих впечатлениях и о Дрездене, где в каком-то кафе пришлось ждать транспорт. За соседним столиком сидели немцы, пили пиво, громко и резко разговаривали.

Казалось, рассказывал Коля, что вот-вот они встанут, вскинут руки в фашистском приветствии и запоют какой-нибудь немецкий гимн. От этого поначалу было жутковато. Когда Коле надоело все это видеть и слышать, он стал громко разговаривать со студентами. Услышав русскую речь, немцы моментально умолкли.

Еще в институте Коля увлекся изучением культурного наследия России, прочитал множество книг по истории страны, по живописи и архитектуре, стал активно сотрудничать с Обществом охраны памятников истории и культуры и в комиссиях по сохранению исторической Москвы. Тогда же начал печататься в СМИ.

В то время он познакомился со многими художниками, архитекторами, писателями, с некоторыми из которых у него завязалась тесная дружба. Благодаря их совместной деятельности в Москве удалось сохранить многие исторически ценные здания, например, церковь Михаила Архангела на Погодинской улице, дом Шаляпина на Новинском бульваре, усадьбу XVIII века в Мещанских переулках, Школьную улицу.

*Н.Н. Визжилин со своей дочерью Екатериной
в фотолаборатории ростовского кремля*

Среди его друзей художников хорошо помню художника Славу Забелина и архитектора Витю Виноградова. С профессором живописи Забелиным Коля дружил до последних дней его жизни. Слава умер в 2001 году. Они помногу часов проводили в беседах на самые разные темы, очень часто на длительное время ездили в Ростов Великий работать.

Так длилось четверть века. Потеря Славы для Коли была потрясением, от которого он не оправился, по-моему, до сих пор, хотя прошло уже много лет.

Новые друзья предложили Коле совсем новую работу – участие в издании альманаха «Памятники Отечества» и с 1979 года Ник. Ник. стал редактором этого альманаха, о

выходе в свет которого много лет хлопотали лет выдающиеся деятели советской культуры.

Этой работе Коля отдавался полностью, со страстью и радостью. Альманах с первого же номера привлек к себе внимание и обрел своих читателей.

Однако эта работа была связана не только с удовольствием, но и с массой неприятностей и переживаний. Постоянные вызовы «на ковер» к партийному начальству разных уровней, которое никак не понимало, почему в альманахе много места занимают тексты и фотографии храмов и монастырей. Придирки дурацкие, можно сказать безграмотные, изматывали Колю, заставляли сильно нервничать. Это раздражало Колю, ведь, в альманахе, кроме этого, было много материалов, посвященных литературным и художественным памятникам, а также памятным датам, связанным с историей Отечества и др. Обо всех мытарствах, которые выпали на его долю при издании «Памятников Отечества» Ник. Ник. сам подробно написал в своих воспоминаниях «Былое. Повесть странника» (М., 2006)

Мне особенно памятны и по душе номер, посвященный 150-летию со дня гибели А.С. Пушкина, наполненный Интересными материалами и прекрасно художественно оформленный, а также номер, выпущенный к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Над оформлением альманаха Коля работал с художником Валентином Фирсовичем Гореловым, который, в частности, оформлял и другие книги, в частности, посвященные Пушкину. С той поры у меня на полке с книгами Пушкина, стоит рисунок Вали Горелова, выполненный тушью, на котором изображен молодой Пушкин.

Не уверена в хронологии, которую здесь привожу – с датами у меня всегда были трудности, – но для меня главное не она, а те встречи, события и ощущения, которые связывали и связывают меня с Колей.

С удовольствием вспоминаю время, когда он неожиданно приехал ко мне в деревню Крутое. Это случилось 6 сентября 1998 года, на следующий день после печально известного дефолта. Тогда в деревне я жила уже без внуков, они уехали в Америку.

Был тихий теплый вечер, я чем-то занималась в доме. Вдруг в заднюю дверь сеней раздался стук. «Кто там?» – спросила я. «Кто, кто? Конь в пальто», – последовал ответ. Это был Коля. До ночи слушала его печальную повесть о жизни. На другой день сходили в Щелканово на центральную усадьбу нашего колхоза, заплатили за электричество, накупили разных продуктов и немного вина.

Коля пробыл у меня две недели – с 6 по 21 сентября, и мы много разговаривали о жизни, вспоминали разные случаи, разговоры часто прерывались буйным весельем по поводу прекрасных Колиных рассказов о разных эпизодах его жизни, исполненных артистически, с мягким юмором.

Несколько раз мы ходили в лес, собирали редкие уже тогда белые грибы и разговаривали. В одном из таких походов Коля рассказал мне о своем взгляде на декабристов. Он не считал их, как это было принято в нашей истории, предшественниками революционеров, «разбудивших Герцена», а полагал, что были они молодыми, очень образованными, но не слишком зрелыми людьми, которые не ведали, к чему может привести страну их деятельность.

В Крутом Коля перевел пять сонетов Шекспира, эти переводы, записанные его рукой, есть в моей записной книжке.

Вот один из них.

*Не превратят мою любовь в кумир –
Подножье каменного бога.
С тех пор, как славлю мир,
Хвала людская мне убога.*

*Добро я полюбил навечно,
И мои строфы постоянно –
Сегодня, завтра, бесконечно
Красу его вмещают неустанно.*

*Добро, правдивость и краса,
Сливаясь воедино,
Преображают все мои слова
И образуют в сердце круг единый.*

*Все три сокровища, подаренные людям навсегда,
Создали мир – добро, правдивость и краса.*

Этот и еще несколько Колиных переводов сонетов Шекспира – переводов, которые он целиком посвятил мне, опубликованы в его книге «Да исправится молитва моя...» (М., 2002) и размещены сейчас в Интернете.

С моей подачи Коля открыл для себя Сергея Довлатова, рассказы которого я дала ему прочитать. Они ему очень понравились.

По вечерам после ужина, мы играли в карты в «подкидного дурака», продолжая беседовать. Счет игры записывали, Коля почти все время проигрывал и очень этому удивлялся – как это он, такой умный, не может обыграть меня, женщину – существо, по его мнению, менее умное, чем мужчина. Было сыграно, насколько я помню, более 100 партий! Никакой злости, между тем не было, только одни шутки и постоянный смех.

Коле очень понравилось в Крутом – и ширь полей вокруг деревни, и тишина, и покой, и свежий воздух, и на удивление хорошая погода, и доброжелательные жители.

Проводив Колю, я пришла домой и записала в своей записной книжке: «Брат необыкновенно талантлив и умен, хоть и не слишком гибок во взаимоотношениях со своей семьей, оттого ему и бывает так тяжело со своими домочадцами. Хочется надеяться, что когда-нибудь это поправится».

Помню, как Коля вместе с коллективом редакции альманаха переехал в особняк на Тверском бульваре, с каким рвением отдавался приведению в порядок этого сильно побитого временем здания, его капитальным ремонтом, реставрацией и художественным оформлением всех его комнат. В результате получился замечательный уютный двухэтажный дом, где собирались друзья-единомышленники, авторы альманаха, куда приезжали многие писатели и художники. Накануне августа 1991 года Коля был вынужден уйти из редакции альманаха, «править бал» там стали какие-то посторонние люди. Дальнейшая судьба особняка печальна: в 2004 году его отобрали у редакции, а затем снесли. Сейчас он восстановлен, конечно, не в прежнем виде, только, кто его арендует и кому он принадлежит – неизвестно...

После 1991 года Коля продолжил редакционно-издательскую и журналистскую работу в разных издательствах, в

том числе в издательстве Московской Патриархии, публиковался в СМИ у нас в стране и за рубежом, написал и издал четыре свои книги: «Ростов Великий. Историческое эссе», «Да исправится молитва моя...», «Былое. Повесть странни-

Академик МАИ Н.Н. Визжилин

ка», «Ростов Великий в истории Отечества». Он член Союза журналистов г. Москвы.

По совокупности опубликованных трудов в 1996 году он был избран академиком Международной Академии Информатизации по отделению русско-славянского искусства.

В Коле меня всегда поражала и восхищала его способность переключаться с одного дела на другое, умение начать и профессионально освоить что-то новое. Так, решив освоить

английский язык, он поступил на вечерние курсы и за полтора-два года освоил язык настолько, что был приглашен переводчиком сопровождать по нашей стране гостей АН СССР, в частности, президента союза познавательных обществ США – важную персону. Ездил с ними в Ленинград, Ташкент, Киев и другие города.

Коля еще освоил непростое дело реставрации старинной мебели и время от времени занимается этим, приводя в порядок старую приобретенную им в антикварных магазинах мебель, превращая ее в произведения искусства.

Решив совершенствовать свое тело, Коля усиленно занимался контактным каратэ, бегом, играл в теннис, сделался стройным и красивым (впрочем, красив он был всегда, красив и теперь, несмотря на возраст и лишние килограммы).

Получив инженерную специальность, он полностью переключился на совершенно другую область деятельности – не только стал профессиональным редактором и литератором, хорошо знающим историю России, но и освоил почти все профессии, связанные с редакционно-издательским и типографским делом.

1990-е годы были печальными для нашей страны. Многие специалисты, в том числе и известные деятели культуры, часто оказывались без средств к существованию. Вот и Коле перед уходом на пенсию пришлось два года работать сторожем.

Однако сейчас он по-прежнему активно занимается творчеством: издал написанную им во время сторожевой службы книгу «Былое», постоянно ездит работать в Ростов, закончил и издал большую книгу об этом городе, много времени уделяет рукоделию, столярничает. Этому мы с Олей очень рады, так как нерадостный период его последней работы ухудшил Колино здоровье и часто вызывал у него приступы хандры и депрессии.

Еще бы! Я представляю, как ему, творческому человеку, профессиональному журналисту со степенями и званиями, было тяжело сутками высиживать в полутемной комнате без окон, занимаясь проверкой пропусков у входящих и выходящих посетителей. Надеюсь, что впереди у него еще много любимой работы и новых книг.

Мой сын Алёша

В возрасте 18–19 лет я временами стала задумываться о замужестве, о семье... В мечтах хотелось иметь большую семью, хотя бы трёх детей, лучше – больше!

Но жизнь сложилась совсем не так, как думалось. Замуж я вышла довольно поздно, после окончания Университета, в декабре 1958 года в 26 лет. И ребёнок родился только один.

Беременность проходила не очень легко, зато ребёнок рос не по дням, а по часам. Примерно за две недели до родов в женской консультации Первой градской больницы, где я наблюдалась, врач, взвесив меня в очередной раз, посоветовал мне есть поменьше, слишком крупный для моего сложения ребенок растёт, трудно будет рожать... Это меня огорчило, т. к. есть хотелось всё время. На очередной прогулке с Юрием Александровичем сказала ему об этом предписании врача, на что Ю. А. посоветовал не обращать внимания на этот совет, так как скоро роды, и мне потребуется много сил. Так я и сделала.

Роды прошли благополучно, продолжались около 12 часов, пришлось помучиться. 20 января 1959 года появился на свет мальчик, событие невероятно радостное для меня, потому что именно мальчика и хотела! Он оказался, как и предсказывал врач, действительно большим – рост 53 см, объём головы 52 см, вес 4 кг 70 г, это при моём росте 150 см. Ребёнка похлопали, он закричал громко и довольно низким голосом, его показали мне, я удивилась, увидев на головке длинные черные волосы, и унесли в комнату для младенцев. Меня вскоре отвезли в палату, где лежала недавно привезенная женщина, как оказалась, моя хорошая знакомая, Нелли Фадеева, – мы вместе учились в школе. Несколько дней спустя она родила двойню – двух крошечных мальчишек, каждый весом чуть больше килограмма.

Замечательно отреагировал Олег на моё сообщение по телефону о размерах сына. С изумлением и некоторым

ужасом в голосе спросил, узнав о размере головы: «В диаметре!!?»».

На следующий день Лёшку принесли кормить. Он сразу взял грудь и стал активно сосать, а я почувствовала, что у меня слабеют руки и, я могу его уронить.

С трудом дала знать об этом Нелли, она вызвала сестру, Лёшу унесли, что ему явно не понравилось – он стал кричать,

Алеше – 2 года

требуя молока. За большой вес и громкий голос в роддоме Алёшку звали «генералом».

В качестве вознаграждения за сына Олег прислал мне кактус – с цветами в январе тогда были трудности, попросту говоря, их тогда не продавали.

Наконец, меня с Лёшкой выписали из роддома, нас встретили Олег, моя мама и брат Коля и отвезли на машине домой, на Ленинский проспект д. 13, где у нас с Олегом была маленькая узкая комнатка.

С января 1959 года начался годичный отпуск «по уходу за ребёнком» – удивительно приятное, светлое, радостное

время. Какое наслаждение было пеленать, кормить, целовать его плотненькое тельце, ручки и ножки в перетяжках, осторожно постригать нежные, маленькие, красивые ноготочки, наблюдать за улыбкой, появляющейся на его мордашке! Заботы были приятные – во-время покормить (по часам), помыть, перепеленать, погулять. Пеленая, оставляла ему открытыми ручки, на которые надевала специально сшитые мной варежки, чтобы он не мог себя оцарапать. Вообще к рождению ребенка нашла ему разных распашонок, чепчиков и «слюнявчиков», вышивала на них гладью птичек, цветочки и пр. Взвешивая сына каждую неделю на специально купленных весах, вела запись изменения веса и роста, которую сохранила до сих пор.

Здесь часть этих записей.

Дата	Вес	Рост
20.01.59	4070 г	53 см
04.02.59	4420 г	
12.02.59	4680 г	
20.02.59 (1 месяц)	4840 г	
12.02.59	4840 г	
20.03.59 (2 месяца)	6000 г	62 см
20.04.59 (3 месяца)	6650 г	
20.05.59 (4 месяца)	7222 г	
20.06.59 (5 месяцев)	7860 г	72 см
20.07.59 (6 месяцев)	9690 г	
20.10.59	10300 г	79 см
20.11.59	10380 г	
20.01.60 (1 год)	10000 г	
5 лет 8 мес.	19 кг	150 см
12 лет		
14 лет		
		167 см

Было радостно видеть, как быстро Алешка растет и развивается, реагирует на голос, что-то «гулькает». Записывала я и его реакцию на игрушки, и появление зубов, и умение сидеть, и всякие забавные истории.

8.03.59 – Второй день играет погремушкой, подвешенной над кроваткой – ударит ручкой и смотрит. Первые игрушки,

на которые он реагировал – медведь и лебедь. В мае он берет игрушки в ручки и улыбается.

В июле – сидит без поддержки.

Первый зубик – нижний правый резец – прорезался в 6 месяцев, к году их стало 16...

Июнь 1961. Леша толкает Настю и приговаривает – «Иди в песок». На вопрос: «Что ты делаешь с Настей?» – отвечает: – «Я ее в песок загоняю».

Увидел трясогузку, спросил, как она называется. Сева и Миша тотчас принялись импровизировать – трясопузка, трясолешка, трясопина... Леша подумал, засмеялся и сказал – Трясонастя...

Корова «бычит»...

Ноябрь 1961 – «Хочу поехать на этом лошади»; «Мама, до свиданья, не забудь надеть перчатки». Олег долго не отвечал на какой-то Лешин вопрос, «Папа, когда с тобой говорят, нужно отвечать».

Леша: «Папа, мы поедем к Лизочке?» – Олег: «К нижечке, К лижечке...» – Леша: «Мы поедем к ЛИЗАВЕТЕ?»

Зима 1962 – Вверх КАРМАШКАМИ. Насте: «Уходи, нехорошая женщина!»

Февраль 1963 – научился говорить букву «р»...

Я с гордостью возила Лешку в коляске на прогулку в Нескучный сад и по тихой Донской улице.

Серьёзные заботы возникли, когда Лёше было около года. Начался диатез, ножки, ручки, попка, а позже и лицо покрывались красной сыпью, которая вызывала зуд и беспокойство, он стал плохо есть, капризничать, плохо спать и плакать по ночам. А сыпь начинала мокнуть и образовывать корку. На что была реакция, не ясно до сих пор. Моя мама и Наталия Павловна вызывали разных врачей, которые давали разные советы, сводившиеся к тому, что из диеты надо убрать то одно, то другое. В один отнюдь не приятный день я пришла с работы, и мама вынесла мне вялого, измученного зудом, покрытого мокнущей коростой Алёшку и стала что-то говорить об очередном враче. Это было невыносимо, я взбунтовалась против врачей, которые никак не помогли моему мальчику, и сказала, что никаких врачей больше не надо, буду лечить его сама. Лечение продолжалось несколько месяцев и заключалось в том, что я посадила его на голодную диету, давала каши, сваренные на растительных отварах, да иногда понемногу собственное

молоко. Лёша стал поправляться – исчезла короста, стала постепенно исчезать сыпь и вместе с ней зуд. К сожалению, за время лечения он сильно похудел, на фотографии, сделанной в это время, сидит худенький, глазастый мальчик со светлыми волосами, которому чуть больше года. К тому времени чёрные волосы, бывшие у него при рождении, сменились мягкими светлыми.

Месяцев в пять Лёшка стал садиться, а потом и вставать в кроватке, подтягиваясь на ручках за её спинки. Дальше – больше, началось хождение по кроватке, потом ползание по полу и хождение за ручку. Чтобы облегчить ему этот процесс, приобрели так называемые «ходунки» – трусики, прикрепленные к квадратной раме на колесиках. И тут он попытался бегать, почувствовав устойчивость.

Но опыт оказался неудачным, Лёшка всё время падал, цепляясь колесиками за все, что хоть сколько-нибудь выступало, от «ходунков» пришлось отказаться. И вот, наконец, он пошёл сам. Это произошло 20 января 1960 года, когда ему исполнился ровно год. В тот день приезжали гости, и, конечно, моя Иришка с мужем, Валей Чанышевым, который профессионально занимался фотографией, он сделал несколько снимков, где Лёша запечатлен самостоятельно стоящим, купающимся и т. д.

К этому времени мы уже показывали Алёшке детские книжки с картинками, учили различать разных зверюшек, находить на картинках дома, машинки, девочек и мальчиков и т. д. Учили, и не без успеха, говорить простые слова – «мама», «папа», «дай» и т.п.

Летом в течение шести лет ездили летом на дачу в Зеленоградскую. Когда Лёша был совсем маленький, а я уже вышла на работу, у него была няня, женщина средних лет, она ездила тогда и на дачу. Потом Алёшу опекали Наталия Павловна и домработница Маруся, вырастившая всех детей Наталии Павловны и Юрия Александровича. Я ездила к Алёше каждый день, он очень не любил, когда я уезжала, плакал, потом, конечно, успокаивался и прекрасно играл на участке. Часто забирался куда-нибудь в кусты и не откликался на зов. Однажды Маруся, не найдя его, позвала его не как обычно: «Лёша, где ты? », а сказала: «Лёша, иди сюда, я тебе что-то дам...»,

Лёшка тут же вылез из кустов со словами: «Маруся, что ты мне даёшь?»

Часто ходила с Лёшей в лес или по улице до железной дороги, где ждали поездов и, провожая их, с удовольствием махали вслед рукой. Дедушка, Ю. А., приезжая на дачу, любил катать внуков на тележке, показывал мальчикам разные инструменты, что-то рассказывал им.

Ездили на дачу и зимой, благо в доме было две печки, и неизменная дорогая Маруся. Вечерами иногда ходили в лес, причём Лёшка шел по заснеженной дороге впереди без страха и сомнения. Олег однажды соорудил из снега целую крепость со входами и выходами, окнами, бойницами и траншеями, где ребята целыми днями с удовольствием играли.

Сын вообще рос довольно спокойным, любил самостоятельно часами играть с какой-нибудь машинкой, гулять. Когда он немного подрос, стала иногда возить его в Главный Ботанический сад, на территории которого тогда работала, осенью ему особенно нравилась валяться в кучах палой листвы, а зимой – в сугробах.

После года Алёша довольно быстро заговорил, любил, сидя у меня на руках, тихонечко постукивать пальчиком по моей щеке: – Ах ты, мой черноглазенький! – Когда-то я ему так сказала.

Лет с пяти Лёша уже мог читать самостоятельно, делал это с удовольствием, даже когда это ему не разрешалось, в частности, в постели перед сном. Однажды довольно поздно, когда Лёшка по моим представлениям должен был видеть уже не первый сон, я увидела полоску света под дверью его комнаты, вошла и обнаружила, что он читает, поставив лампу на кровать и накрывшись одеялом.

Когда мы переехали в 1964 году на улицу Новаторов, Лёша часто один гулял под окнами во дворе, благо машин тогда на улице почти не было. Время от времени я смотрела за ним в окно, когда наступало время, звала его домой, и он поднимался по лестнице на пятый этаж. Ездили мы и на Ленинский проспект к Олегу, бабушке Тате и дедушке Юре, ездили и на Можайку, к моим родителям. Помню один забавный случай, когда мама, как всегда, очень обрадовалась и кинулась целовать Лёшку, а он вдруг отстранился и произнес серьезно: «Мужчинам не к лицу целоваться!» Потом он говорил, и весьма решительно, моим родителям, приходя в их дом: «Дедушка и бабушка! Только не целоваться».

Я работала, и надо было как-то определяться с Лёшей, не оставлять же его одного дома, ведь ему было всего 5 лет. Решила определить его в детсад Академии наук, который находился на Ленинском проспекте за зданием Транспортного агентства.

Это было тягостное время – он никак не хотел туда ходить, почти каждый день, отправляясь туда, плакал, ждал меня в конце дня на лестничной площадке у дверей детской комнаты, вцепившись ручками в перила. Пришлось очень скоро прекратить это мучение и с помощью Наталии Павловны Лёша попал в частную группу, в доме, где жили Орловы. Туда же ходила и Лёшина двоюродная сестра Лиза. С ребятами занималась милая пожилая пенсионерка, бывшая учительница, Нина Павловна. Она читала им, играла с ними, водила гулять в парк. Лёшке в группе нравилось. Там же ребята обедали и полдничали, ели то, что привозили утром родители. Олег сделал фанерный ящичек для перевозки еды, он состоял из трёх отделений – две полочки для первого и второго блюда и отделение для третьего – киселя, компота и т. п.

Каждое утро, взяв с собой еду в ящичке, мы отправлялись с Лёшей в группу. Район, где мы жили, был новый, автобусы ходили редко и бывали здорово переполнены, иногда из-за тесноты ящичек раскрывался, содержимое проливалось.

Тогда я звонила Наталии Павловне, она что-нибудь готовила и относила Лёше на обед.

Входя в автобус, Лёшка немедленно начинал искать надпись о стоимости билета, провоза багажа и штрафа за несоблюдения правил. Она была написана либо просто на стенке автобуса, либо на специально прибитой дощечке.

Найдя её, Лёша с удовлетворением констатировал, что она «прибита», или огорчался, если она была всего лишь написана на стенке. По дороге, если удавалось сесть, он называл буквы на вывесках, а позже стал складывать из них слова.

Когда Алёша подрос, несколько раз я устраивала для него «Детские праздники». Предварительно детям и их родителям рассылались специально сделанные, напечатанные на машинке и как-то раскрашенные билеты, в которых сообщались дата и программа праздника. В программе были конкурсы на лучший рисунок или карикатуру, исполнение стихов и песен. Позже, когда ребята уже начали учиться,

были конкурсы сочинений на заданную тему. Каждый раз конкурсы были разные. До сих пор у меня хранятся рисунки, карикатуры и сочинения с этих праздников.

Некоторые из них есть в этих записках. После рассмотрения работ и их обсуждения специальное жюри из родителей торжественно объявляло результаты и вручало призы победителям – книжки или игрушки, конфеты.

Алеше – 7 лет

Иногда через кинопроектор показывали ребятам какой-нибудь фильм. Хорошо помню, да и ребята, наверное, помнят фильм Чарли Чаплина «Малыш». Потом было вкусное угощение. Праздники проходили весело и дети – двоюродные братья и сестры, а также Лешины друзья – с удовольствием к ним готовились.

С 1967 по 1970 г. лето мы проводили в деревне Васюсино (Нью Васюки), стоявшей на высоком берегу Большой Волги, между Калязиным и Угличем. Места роскошные – большой лесной массив и прекрасный сосновый бор с высоченными строевыми соснами, в лесу полно грибов и черники, широченная Волга с чистой водой. В этой деревне удалось

снять у двух стариков крошечное крылечко, под крышей. В нем слева была лестница, справа от неё небольшая площадка, на которой стояла кровать и маленькая тумбочка. На ночь на верхнюю ступеньку лестницы и на козлы, поставленные внизу, накладывалась широкая доска (по-видимому, бывшая дверь), на которой спал Алёшка. Почти ежедневно ходили в лес, Алёша азартно собирал грибы, особенно радовался, когда находил белый, ел в лесу с куста чернику, с любопытством разглядывал змей, которые почти всегда встречались в одном и том же месте. Иногда катались на лодке. Лёша подолгу лежал на берегу в «дозоре», взяв в руки палку-«ружьё» и завернувшись в большой старый прорезиненный коричневый плащ... Однажды совершили пеший поход в Углич, ночевали в палатке, и Лёшке это понравилось.

Перед отъездом в Москву всякий раз ходили прощаться с лесом. Однажды, отправившись туда перед отъездом, нашли место, где росло большое количество маленьких свеженьких маслят, росших «ведьмиными кольцами», Быстро набрали корзину и пошли в деревню их обрабатывать. Обрабатывали – очищали от пленок и мариновали - далеко за полночь, зато привезли в Москву 10-литровый бидон маринованных отборных малюсеньких, размером с двух и трехкопеечные монеты, маслят! Ни до, ни после этого случая мне ни разу не удавалось находить на одном месте столько маслят, да еще в кольцах.

В сентябре 1966 года Алёша пошел в первый класс. Школа, где он учился, была рядом с домом, учёба в начальной школе давалась легко, оценки по всем предметам были 4 или 5. Очень часто приезжал к нам мой папа – «дедушка Коля» – и помогал, если что-то Алеше было не ясно.

Небольшие проблемы начались класса с 5-го, когда вместо одной учительницы, спокойной и доброжелательной Нины Георгиевны, появилось несколько учителей-предметников. Главное, что из-за не очень грамотных или просто равнодушных к предмету или детям учителей, вера в непогрешимость учителя была поколеблена.

Так, на уроке литературы и русского языка учительница, она же – классный руководитель – назвала автором стихотворения «Белеет парус одинокий» А.С. Пушкина. Лёша поднял руку и сказал, что это стихотворение написал

М.Ю. Лермонтов, а не Пушкин. Ещё пару раз он поправил эту учительницу, и отношения с ней были испорчены – она не могла простить ему этого. Однажды вызвала меня в школу и сказала, что Лёша ведет себя нескромно, позволяет себе делать ей замечания, и произнесла фразу, ошеломившую меня: «Он слишком много знает!» – «Разве это плохо?!» – ответила я.

Несколько лет до школы и в первых классах по настоянию бабушки Таты Лёшу обучали французскому языку. Одна из учительниц, выпускница Смольного института, Зинаида Константиновна, очень интеллигентная высокая пожилая дама, приезжала на урок к нам на улицу Новаторов, она находила у Лёши несомненные способности к языку, он же не проявлял в учёбе особого рвения. Однако до сих пор помнит какие-то французские слова и может прочесть несложные фразы.

По картинкам в детской книжке я пыталась научить Алёшу простым английским словам – стол, стул, мышка, заяц и т.п. Все слова с неопределённым артиклем «а». Попросила повторить. Он быстро правильно назвал много предметов, дошёл до изображения крысы, на миг задумался и радостно произнес: «а крыс!»

Начиная с 6-го класса, Лёша сидел дома один, мой папа больше к нему ездить не мог из-за болезни. Лёша приходил домой, разогревал обед, ел и должен был делать уроки. Мои воспитательные функции сводились к тому, что я периодически звонила ему с работы, спрашивала, все ли в порядке, пообедал ли, какие успехи в школе, начал ли делать уроки. Практически всегда получала положительные ответы на свои вопросы. Только вечером, когда я, усталая и иногда раздраженная, появлялась дома, начиналось какое-то короткое общение, проверка уроков и т.п.

Иногда к Лёше, якобы помогать в учёбе, приезжал «дядя Коля», мой младший брат. Они, конечно же, не столько занимались уроками, сколько радостно на свободе балбесничали. Однажды, шутя, устроили потасовку, стали кидаться подушками и разбили окно. Сразу весь пыл борьбы пропал, стали думать, что делать. Собрались и поехали за стеклом в хозяйственный магазин «1000 мелочей» на Ленинский проспект. Привезли стекло домой, стали вставлять, оно снова треснуло... Снова съездили, купили, вставили, но не очень хорошо, т.к. оно стало дребезжать при

малейшем сотрясении, вызывая у меня удивление. Только спустя много времени Коля объяснил причину этой «странности» и рассказал мне эту историю.

Класса с 7-го или 8-го домой к Лёше стали приходиться его школьные товарищи – Андрей Братусь, Коля Барковский (сосед по лестничной площадке), какие-то девочки, из них помню только Таню Карманову, ей, как мне казалось, нравился Лёшка.

Чем они занимались днём, было мне неизвестно, но, похоже, что не уроками.

Лёшка отрастил длинные до плеч волосы, причем не было никакой возможности уговорить его постричься, стал учиться играть на гитаре, часто уезжал в компанию Лизы, вел практически бесконтрольную жизнь.

Отношение к учебе изменилось, в дневнике стали часто появляться тройки и двойки, иногда даже за поведение. Мои разговоры и внушения не достигали цели. «Всё равно, – говорил Лёша, – из школы меня выпустят, плохие оценки и низкий средний балл – ерунда...» Всё это, конечно, меня беспокоило, мне хотелось, чтобы сын хорошо закончил школу и пошел учиться дальше – в институт.

Однако откровенных душевных разговоров становилось все меньше, хотя я была уверена, что Лёша остаётся таким же добрым, ласковым сыном и хорошим человеком.

Однажды Лёша спросил меня, нельзя ли нарисовать на обоях берёзку на месте, где было какое-то пятно. Подумав, я разрешила. Через несколько дней просьба повторилась, и я снова разрешила. А потом, уже не спрашивая разрешения, Алёша вместе с Анрюшкой Братусём разрисовали все стены гуашью, причем неудавшиеся рисунки они замазывали зубной пастой. А на стенах чего только не было – солнце, деревья, какие-то физиономии, звери, птица Буревестник с маленьким толстеньким тельцем и крошечными ангельскими крылышками, был там и Иисус и коллажи – Лёшины и Андрюхины физиономии, приклеенные к каким-то дядям во фраках и т. д. Так что, когда спустя несколько лет стала делать ремонт, то с трудом отдирала намертво прилипшие к стенам обои.

В течение нескольких лет – после 5-го, 6-го и 7-го классов – во время моего отпуска, продолжавшегося 1,5–2 месяца, Алёша отдыхал со мной в деревне Малинники, где в 1970 году был куплен дом. Деревня, где не раз гостил А.С.

Пушкин в имении Осиповой-Вульф, расположена между Старицей и Берновым (Тверская губерния).

Места благословенные – кругом леса, поля, в деревне маленькая деревянная часовенка, недалеко от нашей избы – ключ с прозрачной и вкусной водой, куда, как говорили, ходил и Пушкин, рядом с деревней небольшая, неглубокая, но очень чистая речка Тьма. Там в омуте мы купались, там же Лёша ловил рыбу – плотву, окуньков, ершей, голавликов.

Дом в Малинниках – это деревенская изба с сенями и небольшим крыльцом без двери, но под навесом, где я готовила на керогазе. Трапезничали за столом, стоявшим на улице перед крыльцом. К сеням был пристроен довольно обширный скотный двор, где когда-то держали корову и кур, там же – туалет – небольшая кабинка с дверью, которая не запиралась и куда проходили по узенькому мостику из сеней. В один из первых дней, пока я занималась уборкой и чисткой дома, приводила его в порядок, вдруг куда-то исчез Лёша. Оказалось, что он соорудил шлагбаум на мостике перед туалетом. При опускании шлагбаума на кружочке, прибитом к нему, виднелась надпись: «Занято».

Дом стоял на краю деревни, отгороженный от деревни высоким земляным откосом, поросшим травой, он был предпоследним в ряду. За домом – огородик, где на двух-трёх грядках я выращивала зелень, морковь и свеклу.

И снова, как в Васюках, начались многочасовые походы по лесам за черникой и малиной, которая росла всюду, недаром деревня называлась Малинники, и, конечно, за грибами, среди которых преобладали белые. В Малинниках однажды был небывалый урожай шампиньонов, которые росли всюду, особенно на лугах, где пасли скот – тогда в деревне еще было немало коров. В течение нескольких дней мы собирали шампиньоны большими корзинами, выбирая только мелкие экземпляры. Я жарила их, варила супы и готовила очень вкусные жюльены со сметаной и сыром. Кроме грибов и малины на вырубках росло огромное количество земляники – один раз мы набрали десятилитровое ведро! Так что в Москву, кроме сушеных, соленых и маринованных грибов, привозили много разного варенья.

Обнаружилось, что Алёша неплохо ориентируется в лесу.

Ходили и на место бывшей усадьбы Вульф, ездили в Берново в Пушкинский музей и в Старицу – милый маленький

Татяна Александровна Орлова (Плевако)

старинный городок. Показали нам омут и место, где когда-то стояла мельница, описанная Пушкиным.

Уже в первый год и позже перед домом и на откосе посадили несколько рябин, берез и елок, принесенных из леса.

Познакомились и подружились с соседями. В основном это были пожилые женщины или вовсе старушки. К одним из них раз в неделю ходили в баню, иногда отправлялись в магазин за хлебом, сметаной, крупой и пр. в соседнюю деревню, Крутцы, т.к. в Малинниках не было магазина – слишком мало в деревне жило людей. Молоко и картошку покупали в деревне. Познакомились и подружились с некоторыми соседями. Жилось славно.

Недостатком всего этого великолепия была долгая дорога с двумя пересадками: сначала электричкой до Калинина, потом автобусом до Старицы, где снова пересаживались на автобус, ехавший до Бернова. Он-то и привозил нас в Малинники. Дорога лежала в 200–300 метрах от деревни, поэтому рюкзаки и сумки приходилось до дома тащить на себе. Это путешествие занимало почти целый день. После того, как в 1976 году была куплена машина «Жигули», добираться до деревни стало намного проще, веселей и быстрее – примерно 4 часа. Часть лета Лёша, которому исполнилось уже 17 лет, проводил в Зеленоградской или в Москве, после 8-го класса был с Олегом на Дальнем Востоке, на острове Путятин.

Как-то летом Алёша и Андрей Братусь на 3–4 дня ездили на велосипедах по местам боёв под Москвой. Как выяснилось много позже, когда Лёша сам стал отцом, что они ездили гораздо дальше, например, в Калужскую область под Юхнов, где во время войны шли жестокие бои. Доезжали на электричке до Калуги, а дальше на велосипедах ехали по заранее намеченному маршруту. Мне же об этом не говорили, чтобы я не волновалась и не запретила такие поездки. Должна признать, что основания для этих опасений, к сожалению, были.

Из этих походов ребята привозили не только какие-то сведения о боях, но, обследовав траншеи, воронки и блиндажи, везли пробитые осколками наши и немецкие каски, котелки, патроны.

Вообще уже тогда Алёша стал интересоваться историей прошедшей войны, читал воспоминания наших полководцев.

Этот интерес сохранился у него до сих пор (2007 г.), теперь на полке у него в американском доме много книг о войне не только ее участников, героев, но и историков, и немецких военачальников, и не только на русском языке.

Всякий раз, когда ребята собирались в очередную «военную» экспедицию, просила Алёшу писать мне с дороги каждый день хоть несколько строк, чтобы я знала, что у него всё в порядке, и давала ему открытки с нашим адресом. Один раз под рукой оказались только поздравительные открытки, посвященные 8 марта. И почти каждый день Лёшка радостно присылал мне поздравления с 8 марта и краткими сведениями о себе, что выглядело достаточно забавно – ведь было лето.

Кончилась, наконец, школа. Аттестат у Лёшки был весьма посредственный, много троек, соответственно низкий средний балл.

Куда дальше? Когда он учился в старших классах, речь часто заходила о биологии, но после школы Лёша заявил, что «хватит биологов в нашей семье» и решил поступать на Физфак МГУ. Я не верила, что он сможет туда поступить. Однако, сдав вступительные экзамены с одной тройкой по математике, летом 1976 года он был зачислен на Физфак – дело в том, что там был низкий проходной балл.

После экзаменов Алёша отправился на месяц в стройотряд на нашу Биостанцию на Белое море к Николаю Андреевичу Перцову. Надеюсь, что эта поездка была ему на пользу.

Неожиданная легкость поступления в МГУ и простое юношеское легкомыслие привели к тому, что в первом полугодии Лёшка почти не занимался, «валял дурака». Дело кончилось тем, что он после очередного провала на зачете по математике пришел домой и объявил, что подал заявление об уходе с физфака, т. к. математику он все равно сдать не сможет. «И что ты собираешься делать!?» – «Пойду поработаю в какой-нибудь конторе, я тут присмотрел недалеко, у метро «Калужская», а потом пойду служить в армию». Эта новость была для меня полной и убийственной неожиданностью, тем более, что в это время я работала заместителем декана по учебной работе на Биофаке и делала все, чтобы ребята хорошо учились. Было до слез обидно, что прозевала, иначе не назовешь, собственного сына, занимаясь чужими детьми. Поделилась своим горем с начальниками курсов Биофака, которые тогда работали со мной. Один из

них – Станислав Васильевич Куст, бывший военный летчик, посоветовал отправить Лёшу в военкомат, чтобы он там записался на подготовительные курсы призывников для получения какой-либо военной специальности. Кроме того, эти курсы давали отсрочку от армии до осени, можно было снова попытаться поступить в какой-нибудь ВУЗ. Лёша сходил в военкомат и записался на курсы радиотелеграфистов, куда стал ходить раза три в неделю.

Относительно поступления Лёшки на работу в какую-то контору я категорически воспротивилась и с помощью Олега Лёша устроился на работу на большой завод «Красный пролетарий». Работа там, конечно, Лёшке не понравилась – он был «мальчиком на побегушках», т. к. учить его не стали ничему, уверенные в том, что весной он загремит в армию. Поработал он так до июня, потом уволился и стал готовиться снова к поступлению на Физфак МГУ(!). Предложила ему заниматься с репетиторами, но он категорически отказался. И стал интенсивно готовиться сам. Как не странно, снова сдал экзамены с одной тройкой и снова поступил!

Но теперь уже мне не надо было все время напоминать ему, что надо заниматься, он стал активно учиться, и даже как-то я услышала, что он по телефону объяснял кому-то из сокурсников, как надо решать какую-то задачу. Мои волнения окончательно прекратились, когда Лёша благополучно сдал первую сессию. Тогда же на первом курсе он вошел в агитбригаду Физфака и сходил в один зимний агитпоход в Надым. На этом его активная общественная деятельность и завершилась.

На третьем курсе Лёша поступил на кафедру низких температур. Контролировать и помогать ему в учебе я не могла, т. к. в его предметах совсем ничего не понимала. Насколько я помню, ему иногда помогал Олег. Однажды попросила Лёшу, чтобы он объяснил, что такое эти низкие температуры. Он подумал и сказал, что все равно вряд ли я пойму, что это просто «ну, очень низкие температуры». Этим и закончились мои попытки понять, чем занимается сын.

На Физфаке Алёша встретил девушку, Таню Плевако, которая в декабре 1982 года стала его женой. Меня в свои отношения с ней Лёша не посвящал, только я видела, что он серьезно влюблен: после учёбы часто ездил к ней на Преображенку (в другой конец Москвы), и возвращался позд-